

Н.Я. Берковский

**Литературная теория
немецкого романтизма**

Документы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Н11

Н11 **Н.Я. Берковский**
Литературная теория немецкого романтизма: Документы / Н.Я. Берковский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 332 с.

ISBN 978-5-458-43354-9

Данная книга посвящена литературным манифестам немецкого романтизма. Включает в себя произведения Новалиса, Тика, Вакенродера, Ф. Шлегеля, А. Шлегеля и Шеллинга под редакцией выдающегося советского ученого Н. Я. Берковского, в переводах Т. И. Сильман и И. Я. Колумбовского.

ISBN 978-5-458-43354-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

в разряд капиталистов «посредством постепенно расширяемой эксплуатации наемного труда и соответствующего накопления».

Если перенести вопрос на масштабы национальностей, то именно для Германии характерен этот капитализм второго корня, капитализм карликовый, «посредственный»,¹ невидный и медленный в своем движении.

Открытие Америки и атлантическая торговля вместе с разгромом Крестьянской революции XVI века предрешили, как известно, второстепенную судьбу Германии. «Вообще со времени реформации немецкое развитие приняло совершенно мелкобуржуазный характер» («Св. Макс»).

Всеобщая мелкобуржуазная характеристика Германии отнюдь не означает, что в этой стране числилось одно сплошное клейнбюргерское поголовье — здесь были и свои предприниматели-мануфактуристы, и свои цеховые мастера, и свои мужики и феодалы. Но низкий уровень капиталистического накопления превращал всю разноцветную Германию в мелкую буржуазию по отношению к другим странам.

«В основе этого всеобщего убожества лежит полное отсутствие капиталов. Всякий класс нищей Германии с самого начала носил на себе отпечаток буржуазной посредственности, оказывался бедным и униженным по сравнению с тем же классом других стран» (Энгельс).

Англия, где в это время происходит промышленный переворот, проявляет тенденцию экономически подчинить себе отсталую Германию, и в этой борьбе с капиталистически более подвинутыми нациями Германия, как она есть и какой она была, оказывается беззащитной и выданной.

Имея в виду особое положение Германии, Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии»:

«Таким образом, все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения. Впрочем, для возникновения коллизий в какой-нибудь стране вовсе

¹ «Увековечить его значило бы, как справедливо замечает Рецкет, декретировать всеобщую посредственность» (Маркс, Капитал, т. I).

нет необходимости, чтобы именно в этой стране противоречие это было доведено до крайности. Достаточно вызванной расширением международного общения конкуренции с более развитыми в промышленном отношении странами, чтобы породить в странах с менее развитой промышленностью подобное же противоречие».

Немецкой буржуазии было необходимо исправить диспропорцию между положением в Германии и положением в смежных странах. Она должна была вызвать к жизни все внутренние ресурсы нации, создать экономическую охрану границ, создать внутренний рынок. Феодализм действовал вопреки этим потребностям буржуазии. Следовательно, борьба за политическую власть, за отмену феодального господства становилась безотлагательной. Германии грозила полнейшая несостоятельность во внешнем мире как последствие недостаточно развитого национального капитализма.

«Борьба с Европой» имела для оппозиционного бургерства активное содержание. Она прежде всего означала борьбу со старым порядком у себя на родине. Так возникает в Германии идеология «свободы», просветительский либерализм.

О тайных и действительных импульсах немецких просветителей и классиков следует сказать, что они состояли в заботах о внутренней способности Германии к обороне против окружающих капиталистических государств, к поддержанию силы и достоинства своей страны на всемирной сцене. А для этого быстрая и опрятная ликвидация всякого «национального своеобразия» была первым и необходимейшим предприятием. Буржуазный национализм, деловой и активный, требовал прежде всего отмены этого знаменитого «национального своеобразия». Немцы могли сохраниться как нация, только став такими, «как все», последовательно вводя европейскую цивилизацию и буржуазные политические учреждения. В этом суть «космополитизма» немецких классиков, который и сейчас препятствует в Германии признанию Гете и Шиллера со стороны фашистской власти и идеологии: и тот и другой были «мирянами», «общеευропейцами», следовательно немецкими националистами в здравом буржуазном смысле.

Немецкая теория «свободы» по природе вещей служила свободному развитию немецкого капитализма. В сознании своих носителей она имела значение почти противоположное, как если бы готовились не условия для полной активизации конкурентного общества, но условия для полнейшего рая и процветания мелких товаропроизводителей. Этот ее признак не немецкий, не специальный. Он общ всему революционному движению XVIII века. Мелкобуржуазная страна с особым пристрастием, с особой систематичностью изучила и продолжила во все стороны политическую программу «третьего сословия», какой она складывалась во Франции. Отличительно для Германии, что другие линии предреволюционной французской идеологии — линии материалистические и откровенно-буржуазные — здесь последствий не имели, если исключить Гете. Но и во Франции, где буржуазия должна была вести за собой нацию, «человечество», «придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные и общезначимые» (Маркс), господствующей идеологией была идеология мелкобуржуазная, которая, в расширительном смысле программы «третьего сословия» вообще, готовила революцию.

Специально немцы досказали эту идеологию до конца, многократно подчеркнули ее идеалистический, иллюзионистический смысл, и — как совершенно собственная черта — им же принадлежит истолкование этой идеологии в примирительном направлении.

Аналогия между Кантом и Робеспьером верна только до поддороги. Немецкая теория равенства и свободы не предполагала никаких действий.

Страна не была подготовлена к тому, чтобы противоречие между ее общественным строем и материальными интересами, противоречие, возникшее в международном масштабе, решить внутренними национальными силами. Политическая борьба гребовала концентрации немецкой буржуазии, но экономика страны создавала раздробленность классовых интересов бюргерства и не допускала сильных объединенных выступлений с его стороны. Поэтому бюргерская теория позволяла, чтобы «тираны» тоже стояли в кругу человеческого равенства и братства. Заранее отри-

далась всякая исключительность интересов: «тираны» могли добровольно отказаться от своих преимуществ только при условии, что противник тоже уступает и жертвует (для примера: идейная концепция мещанских трагедий Шиллера).

Однако уравнилельная этика, теория соответственных обоюдных жертвований, подразумевала вещи и более далекого смысла. Отрицалась не только борьба классов, но и борьба внутриклассовая, та непрекращаемая конкурентная борьба, которая составляет повседневное содержание классовой жизни буржуазии. На последнем настаивали и французы. Немецкая особенность состояла в том, что дорога к братству, которое наступит завтра, через насилие, которое необходимо сегодня, считалось трагическим противоречием (тот же Фр. Шиллер, «Разбойники»).

Канту принадлежит учение о «доброй воле», воле к «закону» и к «согласию», и это учение Маркс и Энгельс считали чрезвычайно выразительным для бюргерства.

Важно, что в кругозоре Канта существовало и другое понимание общественных отношений, совершенно противоположное. Кант писал и так: «Без тех, самих по себе неприятных антиобщественных наклонностей, всегда вызывающих необходимый отпор против всякого, кто выступает с особыми личными притязаниями, без тех наклонностей навсегда остались бы непроявленными в своих зачатках все таланты посреди аркадской пастушеской жизни, совершеннейшего единодушия, всеобщего довольства и взаимной любви. Люди, столь же благонравные, как и овцы, ими пасомые, не стали бы придавать своему бытию более цены, чем та, которая свойственна их собственным домашним животным. Поэтому — благодарность природе за способность к несогласию, за тщеславие, завистливое и состояжающееся, за ненасытную страсть к имуществу и к богатству. Без них самые превосходные естественные предрасположения человечества остались бы неразвитыми».

Трудности для бюргерского миропонимания были в том, что индивидуалистическая точка зрения принималась, но затем ее старались стусевать.

Мелкий товаропроизводитель уже стоит в начале капиталистических отношений. Но он хочет их равномерности,

то есть хочет невозможного. Свое воззрение на историю Кант называет «антагонизмом сил», но «согласие» тем не менее остается у него непрременной нормой. Общество мелких товаропроизводителей, от имени которого и в интересах которого философствует Кант, по самой природе своей не допускает «синтеза» — независимая частная собственность уже с первого своего выступления разрушает общественный «синтез».

В философии Канта, а затем Фихте все распадается надвое: субъект и объект, вещь и понятие, содержание и форма, аналитическое и синтетическое. Это было неизбежно, так как у обоих «воззрение на мир» принадлежит выделенному субъекту, каким его дала вся предыдущая социальная история — «частному лицу» капиталистического общества, дробному «независимому» существу, утратившему органическую связь с «родом», с человеческим коллективом, следовательно, и с природой, с которой его опосредствует этот коллектив.

Немецкие философы были достаточно буржуазны, чтобы не подвергнуть сомнению, чтобы принять как «естественную» эту исходную предпосылку теории. Капиталистический человек является носителем их мировой системы, и только поэтому их философствование сохранило свою типичность и за пределами их времени для всей последующей буржуазной эпохи.

Характерным же для них, как для современников Великой революции, как для участников великого подъема «третьего сословия», было их неудержимое желание пройти дальше: снять первоначальный дуализм, уравновесить личное и общее, человека и мир, установить разумный тип связи между человеческой особью, ответственностью и природой.

Убежденные в том, что индивидуализм «естественное состояние», они никогда не проникли в строение буржуазного общества, это строение никогда не было понято ими. Тем менее были они способны практически изменять это общество. Но «в мыслях», но «в субъекте» они не престанно проектировали торжество над «антагонизмом сил», над всеобщей расколотостью, — немецкая диалектика и возникла по этому импульсу, она ставила целью

логически объединить противоречия буржуазного общества, его сознания, его культуры. Конечно, в этом они не успели и не могли успеть. Было взято направление, но оно не осуществилось. О Фихте Гегель позднее сказал: его философия не диалектична, но диалектично его философствование.

Мелкий буржуа — индивидуалист по началу, и он же начинает сомневаться в своем индивидуализме, как только появляется индивидуалист более крупный и опасный.

Мелкобуржуазная Германия, проектируя свое освобождение от феодализма, должна была смотреть дальше предстоящей «индивидуалистической» формации, искать в этой формации элементов «связующих» и «всеобщих». Этот взгляд поверх предстоящего исторического этапа есть причина и всех достоинств и всех падений «немецкой идеологии». Здесь берут начало романтические тенденции, которые уже были свойственны миропониманию и Канта, и Фихте, и Шиллера.

Стареющий Шеллинг заявлял о своем прошедшем: «Прекрасное было время, когда возникла эта философия (то есть собственная, раннего Шеллинга, философия); благодаря Канту и благодаря Фихте человеческий дух был раскован, считал себя в праве всему существующему противопоставлять свою действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, но что возможно».

Вопрос о том, что возможно и на деле составлял пафос «немецкой идеологии». Вопрос этот переходил в идейную страсть к несбыточному — несбыточному в границах исторических условий, в мерках и в объективных правилах всемирно развивавшегося капитализма.

Для Канта, для Фихте, для Шиллера, даже для романтиков в непосредственном смысле — для Шеллинга, Фридриха Шлегеля, Людвига Тика в ранний период их развития исходной точкой всех философских координат, точкой абсолютной, несдвигаемой, не подлежащей проверке был человек, взятый отдельно, сам по себе, то есть центральный герой товаровладельческого общества. И так как сознание немецких идеологов было уже наивно-капиталистическим, то все последующие попытки «снять» это сознание возвращали к исходному положению — мелкобуржуазное

сознание есть всего лишь разновидность капиталистического сознания вообще. «Этический человек», содержащий в своем кругозоре мир таким, каким он представлен у Канта, Фихте и Шиллера, нисколько не изменяет дела. Этический человек, то есть следующий «категорическому императиву»: «Действуй, подчиняясь правилу, относительно которого ты мог желать, чтобы оно стало законом для всех». «Действуй так, чтобы человечество как в твоём лице, так и в лице всякого другого всегда применялось тобою как цель, а не как средство!» (Кант «Критика практического разума»).

Маркс писал: «Равенство есть не что иное, как немецкое «я», — «я», переведенное на французский язык, то есть на язык политики». Политическое равенство у немцев называлось «всеобщим самосознанием».

Вместо диалектики общественного и личного, появляется механическое их согласование. «Этический человек», возникший из арифметической абстракции, из приравнивания одного гражданского атома другому, из того, что каждая особь товаровладельческого общества отказывается от своих особых, выделенных «интересов» и «склонностей», этот «этический человек» нисколько не меняет основного качества озаменованного им реального существа, по-прежнему действующего совершенно оторванно и самостоятельно. Так как субъект философской системы оставался освобожденным по сути дела от всякого общественного содержания, то не удавалась диалектика. Философия Канта и Фихте подразумевала как единственную и окончательную реальность дифференцированный, разобщенный мир буржуазной практики и культуры. Но сама эта практика по сравнению с феодальной была «высшей формой общественности» (Ленин), и в этом состояло ее содержание. Если бы не разлагались старые феодальные, общинные «нефетишизированные» (Маркс) отношения, если бы они не переходили в отношения противоположного порядка, то немецкие идеологи никогда бы не заметили ни феодальной общинности, ни феодального «коллективизма». Таким образом, все их сознательные усилия, приложенные к «синтезу», к общественному «согласию», только и возможны были при наличии контраста

на почве наступающего капитализма. Даже у ортодоксальных и законченных романтиков их культ феодализма был явлением и результатом капиталистической, а не феодальной действительности.

Капитализм с его всемирным рынком, с его системой мировых связей привел в стихийное соприкосновение самые различные области практики и культуры, разрушил феодальный провинциализм, освободил человека от его сословной приуроченности, от его крепости семье, месту, происхождению. Без этого непонятен был бы «универсализм» классиков философии и «универсализм» романтиков. Их особый интерес к «универсальным» моментам новой общественности следовал из того, что они шли к ней из глубины старой формации, которую покидали не без страха, — в новом они искали замены, субститута утраченных осозаемых и тесных феодальных «форм общения», говоря языком молодого Маркса. Ни «идиотизм деревенской жизни», ни глухота феодальных городов с их корпорациями и цехами сами по себе не могли бы породить романтический пафос «всемирности» и великой культуры.

Но Кант, Фихте, Шиллер отличались от романтиков, — ориентируясь в более широкой, богатой общественности, чем феодальная, они в то же время дорожат ее индивидуалистической формой, считают ее навсегда существенной и неотменимой. Если эта форма препятствует началам «синтеза», обобщения, «целостности», то все эти начала у них засчитываются в «идеал», в неосуществимое, и в то же время от последующих идеологов буржуазии их отделяет первостепенная приверженность к «идеалу», к моментам «всеобщности», сдерживающим капиталистический хаос и раздробленность.

Задачи целостного сознания и целостной культуры были переданы от Канта, Шиллера к романтикам на дальнейшую разработку. Германия с ее «досугом», с ее незапятнанностью в непосредственной революционной практике разработала не только утопию будущих социальных отношений («этику»), но и параллельную ей утопию будущей культуры, которая в систематическом виде так и не успела возникнуть во Франции, на подлинной родине революцион-

ного движения. Таков был характер международного «разделения труда» для этой эпохи.

Для романтиков эта «культур-философия» Канта и Шиллера имела решающее значение, тем более, что в ней, в этой культур-философии, выяснилась судьба искусства, составляющего во всем мировоззрении раннего романтизма центральную тему.

Кант и Шиллер ставили вопрос, каков смысл искусства относительно других идеологических форм философии и науки. При этом как философия и как наука вообще у них сообразно всему направлению их мышления привлекались наука и философия капиталистического общества.

Для всего мануфактурного периода, который «тянулся приблизительно со середины XVI столетия вплоть до последней трети XVIII», Маркс отмечает как важную особенность процесс возрастающего разъединения науки и материальной практики. Капиталистическое разделение труда «захватывает рядом с экономической и все другие сферы общества», «искусство мыслить тоже становится особым ремеслом», и в крупной промышленности эти тенденции завершаются, так как крупная промышленность «отделяет науку в качестве самостоятельной производительной силы от труда и заставляет ее служить капиталу» («Капитал», т. I).

Энгельс рассматривает весь интеллектуальный стиль XVII и XVIII столетий как обусловленный этим функционированием науки в качестве обособленной отрасли, которая в свою очередь подвергается уже собственной своей специализации и дает ряд новых внутренних подразделений.

«... милы[е] препятстви[я], которые сочинила себе метафизика XVII и XVIII столетий, — Бэкон и Локк в Англии, Лейбниц в Германии, — которыми она заградила себе путь от понимания единичного к пониманию целого, к проникновению во всеобщую связь сущего» (Старое предисловие к «Анти-Дюрингу»).

Еще в одной из своих ранних статей Энгельс писал: «Для XVIII века характерной была идея энциклопедии: она покоилась на сознании, что все эти науки между

собою связаны; но она была еще не в состоянии заполнить переходы от одной науки к другой, а умела лишь просто ставить их рядом» («Положение Англии — XVIII век»).

Лайблль, ученый более поздней эпохи, развил учение о постепенном изменении земной поверхности и всех условий жизни на ней.

Отсюда должна бы следовать новая точка зрения на всю область явлений природы: серьезнейшее потрясение для теории внеисторического, неизменного существования видов. Однако противоречие не замечалось. Энгельс (Старое введение к «Диалектике природы») прямо указывает, что сожительство противоположных теорий было возможно только в связи со всей буржуазной организацией науки. Лайблль работал по отделу геологии, и этот отдел был самостоятельным. Биологи совершенно не знали, что происходит в науке, которая рядом.

В этих условиях даже величайшие обобщения и величайшие успехи отдельной науки не сближают всю совокупность научного знания с действительностью, но скорее разобщают их. Если геология мыслит эволютивно, а биология стабильно, то общий объект для мышления уничтожается.

Всякая специализация известные стороны объекта утрачивает. Это может восполняться, когда вторая, третья, четвертая и т. д. специализации согласованно разрабатывают стороны, оставшиеся после первой специализации. Но буржуазия организует науку по принципу той же анархии, которая владеет материальным производством. Взаимное обособление наук увеличивает обособление мысли от предметности, несоизмеримость мысли и предметности.

Кантова теория науки естественно была теорией той науки, которую Кант застал и которой он современничал. Но его учение о разуме есть романтика в условиях буржуазной науки — романтическое предположение о культуре иного типа. Рассудку и формальной логике, которые и есть общее выражение разъединенной, специализованной и идейной культуры, Кант противопоставит разум с его задачей «систематического единства всех возможных эмпирических рассудочных актов».